

Фридрих Дюрренматт:

НЕ КРАСЬТЕ МЕНЯ В ЖЕЛТЫЙ ЦВЕТ

Фридрих Дюрренматт живет в швейцарском городе Невшателе, на берегу озера. Время проводит так: если не пишет, то рисует. Любимый его жанр — гротеск и картины на тему апокалипсиса. Ершистый, резкий, он говорит, что словесной интриге всегда предпочитает игру ума. Речь его, которую подчас называют взрывной, — это серия коротких монологов. На вопросы отвечает с вызовом, часто ускользает от тех, что ему задают, и подотбно отвечает на собственные. Если с ним говорят о литературе, пускается в рассуждения о живописи, если о театре — ударяется в область науки и так далее. Увлекается астрономией и математикой. Только что сам поставил в театре комедию «Ахтерлоо», к которой особенно привязан. Написал ее, когда была жива его первая жена, теперь переделал, переработал весь текст. Одну из ролей, а именно роль кардинала Ришелье, играет его вторая жена, Шарлотта Керр. Скоро спектакль будет показан по телевидению ФРГ. Дюрренматт клянется, что это его последнее «прости» театру, потому что, как он говорит, «автору пьесы лучше умереть, чем видеть, как кто-то другой ставит его сочинение. Ведь настоящий режиссер, на мой взгляд, тот, чье присутствие остается незамеченным».

— Недавно в Италии состоялся кинофестиваль «Мистифест», на котором, в частности, показывали ленты «полицейского» жанра. Вас настоятельно приглашали. Почему вы не захотели поехать?

— Я очень устал в последнее время, пришлось много поработать над постановкой «Ахтерлоо». И потом, будем откровенны, я не понимаю, почему им так хотелось, чтобы я участвовал в симпозиуме по «полицейским», или «желтым», темам, как вы их еще называете. Какое я к этому имею отношение?

— Но ведь вы же написали по крайней мере пару романов, которые считают маленькими шедеврами в «полицейском» жанре...

— Я не пишу «полицейских» романов, я пишу философские

произведения. «Справедливость» — философская книга, если вы имели в виду именно это сочинение. Если под вторым романом вы подразумевали «Поручение», то это тоже философский роман. Он гораздо сложнее, чем просто детективная история: это поиск поиска в области поиска, исследование метода исследования в области исследования. Это метафора мира и метафора жизни. Об этом романе можно сказать: разыскивая нечто, что ты не намеревался искать, находишь то, что не разыскивал, и тем самым вдруг оказываешься вовлеченным в ситуацию, которой ты не желал, и в результате получаешь то, что вовсе не хотел. Все это похоже на научные поиски, когда получается совсем не то, к чему стремились вначале. Так, медик, искавший вакцину от гриппа, вдруг изобретает лекарство, помогающее при диабете. Естественные науки — самый великий детектив, который только можно вообразить!

— Говоря о детективных произведениях Дюрренматта, я имел в виду скорее романы «Общание» и «Судья и его палач». Или и они тоже не принадлежат к детективному жанру?

— Принадлежат, но их я написал в очень молодом возрасте. Жить было не на что. Один роман написал, лежа в больнице. Каждые четыре дня создавал по главе, за ними присылали из местной газеты. Целиком этот роман я так и не прочитал. И сразу же забыл о нем.

— Создается впечатление, что вы говорите об этих произведениях с неодобрением, почти с презрением...

— Дело в том, что я написал много гораздо более значимых сочинений, но почему-то все время вспоминают «Судью и его палача». То же самое и в театре. Я написал более 20 драм, а ведь почему-то всегда останавливают свое внимание только на «Визите старой дамы».

— Почему вам не нравится, что о вас говорят как об авторе «полицейских» романов?

— Это философский вопрос. Настоящими полицейскими романами считаю самые первые

произведения этого жанра, например, сочинения Эдгара По. В те времена любую задачу можно было решить с помощью интеллекта. Люди жили в мире механики, мире расчетов, мире классической физики. А сегодня мы прекрасно знаем, что не все поддается расчетам.

— А вы когда-нибудь читали современные «полицейские» романы?

— Мало. Они меня не очень интересуют. Подумать только, какой-то критик пытался доказать, что мои книги «приходят» от сочинений Сименона, он даже цитировал отрывки из его романов, которые якобы вдохновили меня на создание моих произведений. Ведь это надо же! За всю жизнь я не прочитал ни одной книги Сименона, за исключением «Окон напротив». Хорошая книга, может быть, потому, что это не детективный роман. Когда моя жена болела, она просила, чтобы я прочитал ей почитать сочинения Сименона. Через несколько дней я заметил, что вот уже который раз покупаю одну и ту же книгу. А вот жена и не заметила, потому что все сочинения Сименона одинаковые. Так бывает. Однажды Стравинский сказал, что Вивальди тысячу раз написал один и тот же концерт для скрипки.

— Уж не хотите ли вы сказать, что не видите никаких различий между, скажем, Чандлером и Агатой Кристи?

— Чандлер и Хэммет еще и поэты, и вообще, может быть, их сочинения — вовсе не «полицейские» романы. Ведь так и «Братьев Карамазовых» можно назвать детективом, — а почему бы нет? И «Царя Эдипа» и «Гамлета». Что ж до Агаты Кристи, то она писала истории для домохозяек, которые сидят себе дома и вяжут чулок. Честно говоря, с такими сочинениями я не хочу иметь ничего общего. И если уж быть совсем откровенным, думаю, что сегодня вовсе не обязательно быть писателем, чтобы стать автором детективных историй.

— Кто-то сказал, что сюжет ваших романов настолько безупречен, что их можно сравнить со швейцарскими часами.

Вам нравится это сравнение?

— Так себе. Очевидно, этот некто не очень-то хорошо знаком с моими сочинениями. Хотя я знаю, кто это сказал: Курт Воннегут, он это сказал по поводу романа «Грек ищет гречанку». А потом уже журналисты подхватили крылатую фразу да еще распространили ее на все мое творчество.

— Вы постоянно повторяете, что в Швейцарии не живут, здесь работают. Почему?

— Швейцария для меня — это рабочий кабинет. Здесь работают многие писатели. Литератору нужен письменный стол и полный покой.

— Что вы сможете сказать о фильмах, снятых по вашим романам?

— Почти все провалились, за исключением «Самого прекрасного вечера», который снял итальянец Этторе Скола. Мои романы тоже не принесли мне радости, в частности, с точки зрения финансовой. За первый — «Судья и его палач» — я получил в 1948 году тысячу швейцарских марок. В 1952 году Джон Уэйн купил право на экранизацию этого произведения, заплатив моему издателю 10 тысяч долларов. Я получил из этой суммы всего четыре тысячи. Потом Джон Уэйн решил не снимать фильм, и права на него продавались и перепродавались. Наконец, в 1974 году их приобрел Макси-

миан Шелл, тогда и мне кое-что перепало. С «Визитом пожилой дамы» было еще хуже. Я написал эту комедию в 1955 году, и через два года она была поставлена на Бродвее. Успех был огромный, а вот контракт для меня — самый плохой. Переводчик на английский язык добился того, что ему платили 50 процентов со всех постановок. Сейчас мы судимся.

— Вы никогда не думали сами писать сценарии по своим романам?

— Пробовал. «Брак госпожи на Миссисипи» — единственный сценарий, который я написал сам. Я еще его писал, а они уже начали снимать фильм. Вечерами представитель продюсера приходил ко мне, и, пока заказывал ужин, я ему рассказывал, как развивается сюжет. Он восклицал: «Фантастично!». А когда фильм был снят, заявил: «Я заранее знал, что ничего хорошего не выйдет».

— Правда, что «Ахтерлоо» — ваше «прости» театру? Почему?

— Потому что театр — забава для детей. Я хочу заниматься философией. У меня полны ящики уже написанных фрагментов будущих произведений. Что вовсе не значит, что я все это опубликую. И так уже опубликовано слишком много.

«Панорама» (Милан).
Перевод Л. Филатовой.

Советским читателям и любителям театра хорошо известны сочинения Ф. Дюрренматта — его пьеса «Физики», повесть «Авария», трагикомедия «Визит пожилой дамы», роман «Палач и его жертва», другие сочинения. Они всегда остро сюжетны и всегда имеют глубокий смысл.